

Узнав о прибытии уездного судьи, Хуай Сююн поспешил вывести Цзи Линьси за порог.

— Так это ты и есть тот самый Цзи Линьси, что стал цзеюанем на нынешних экзаменах? — Судья, прежде казавшийся грозным и неприступным, теперь так и лучился доброжелательностью.

— Студент Цзи Линьси приветствует господина судью, — юноша почтительно сложил руки в поклоне.

Чиновник окинул его взглядом с головы до ног и одобрительно кивнул:

— Прекрасно, просто прекрасно! Истинный цзеюань — статью вы подобны дракону, а изяществом — фениксу. Сразу видно, человек незаурядный.

Приняв серьезный вид, судья изложил цель своего визита. Советник, стоявший подле него, тут же выступил вперед и откинул расшитое покрывало с подноса.

— Здесь серебро, пожалованное двором. Прошу вас, господин цзеюань, примите награду, — проговорил судья.

Следом стражники поднесли два тяжелых мешка с рисом — официальное жалованье за успех. Цзи Линьси принял дары с выражением глубочайшей признательности на лице.

Тогда судья извлек из-за пазухи алое приглашение и протянул его молодому человеку.

— Через два дня я устрою Осенний пир в честь новоиспеченных цзюйжэней. Господин Линьси, вы обязательно должны почтить нас своим присутствием.

Хуай Сююн, заметив, что ученик замер, поспешно перехватил поднос с серебром и подтолкнул Линьси, побуждая его забрать письмо. Тот бережно взял приглашение обеими руками, выказывая почти благоговейный трепет.

— Студент непременно придет. Благодарю вас за милость, господин судья.

Когда формальности были улажены и подарки переданы, судья бросил на цзеюаня мимолетный взгляд, в котором сквозила затаенная зависть. Сам он сумел сдать провинциальные экзамены лишь в двадцать семь лет, и назначение в Юнчэн стало большой удачей. Юноше же перед ним не исполнилось и девятнадцати, а он уже возглавил список лучших. Стало быть, если он пройдет столичный отбор, его карьера будет куда блистательнее.

«У каждого своя судьба», — вздохнул про себя судья и, обменявшись с юношей еще парой любезностей, откланялся.

Стоило гостям уйти, как преподаватели во главе с Главой академии окружили Линьси, рассыпаясь в поздравлениях. Глава академии, крепко сжав его руку, объявил, что возвращает ему все деньги, уплаченные за обучение. Более того, студенту выделили отдельную уединенную комнату и освободили от всех расходов, дабы он мог, не отвлекаясь ни на что, готовиться к весенним экзаменам следующего года.

***

В вечер Осеннего пира Цзи Линьси облачился в новые одежды. Природа и без того наградила его завидной внешностью, но теперь, принаряженный, он выглядел по-настоящему величественно — в его облике появилось нечто почти неземное. Юноша то и дело поправлял пряди у висков перед медным зеркалом.

«Достоин ли я теперь стоять подле прекрасного принца?»

Ответ оставался прежним: пока еще нет.

«Я лишь подобие небожителя, сотворенное из белых костей, — подумал он, — а прекрасный принц — истинный бессмертный. Между подделкой и подлинником всё еще зияет пропасть»

И всё же он, будучи лишь фальшивым небожителем, уже изнывал от желания оказаться рядом с истинным и излить ему всю свою тоску.

Когда пришло время, Линьси взял себя в руки, попрощался с учителем Хуаем и в карете отправился к уездному управлению. У ворот его лично встретил советник и провел внутрь, где всё уже было украшено праздничными фонарями, а в воздухе разливались нежные звуки флейт и цитр.

В банкетном зале яблоку негде было упасть: богатые купцы и чиновники сновали туда-сюда. Стоило советнику провозгласить прибытие цзеюаня, как толпа мгновенно окружила гостя.

Тот, кто когда-то выживал, подобно жалкой крысе в канаве, сегодня в полной мере вкусил сладость чужого поклонения. Его величали «господином цзеюанем», называли «сошедшей на землю Звездой Литературы». Те самые чиновники, перед которыми раньше он должен был падать ниц, вымаливая милость, теперь искали его дружбы. Одним взмахом руки они преподносили ему дары: кто несколько сотен ланов, кто тысячу. Проблема с деньгами, так долго терзавшая его, решила сама собой под звон кубков.

— Господин Цзи и впрямь молод и талантлив! В такие годы возглавить список — ваше будущее поистине безгранично!

— Слыхали? Он поступил в академию только в прошлом году, а в этом уже первый в провинции. Истинный гений, ниспосланный небесами!

— Давайте же выпьем! Господин Линьси, на весенних экзаменах мы ждем от вас новых свершений!

Юноша сдержанно улыбался, отнекиваясь коротким «что вы, что вы», и обещал приложить все силы. Он осушал кубки один за другим, а в его узких глазах таилась острая сталь.

Всем этим он был обязан своему прекрасному принцу.

Не даруй ему Чу Юй доброе имя — путь к экзаменам был бы закрыт. Не поднеси он те тысячи ланов серебра — Линьси не смог бы учиться в академии, не зная нужды. Без того милосердного взгляда, брошенного принцем в Юнчэне, не было бы нынешнего триумфатора.

«Я получил эту небесную милость, а значит, должен вцепиться в шанс зубами и пробиваться вверх любыми средствами. Только так я не подведу Его Высочество»

В небе сияли звезды, а в зале не гасли свечи. Другие цзюйжэни, чей успех мерк перед славой цзеюаня, могли лишь смиренно прислуживать в стороне, подливая вино.

К концу пира чиновники, заприметив, что Линьси держится уверенно и благородно, не выказывая ни тени робости в отличие от прочих ученых, окончательно утвердились в своих помыслах. Один из них вкрадчиво спросил:

— Позвольте узнать, господин Линьси, каковы ваши планы на весенний отбор?

Рука юноши, сжимавшая кубок, едва заметно напряглась.

«Второй шанс, которого я так ждал, совсем близок»

Именно ради этого он и пришел на пир.

С момента окончания провинциальных экзаменов он по крупицам собирал сведения, ища способ подобраться к заветной цели — званию баньяня. Чем больше он узнавал, тем яснее понимал: простому студенту без связей почти невозможно выделиться в глазах императора на финальном испытании.

В столице в борьбу вступали такие титаны, как сын канцлера Ван Яна. Тот самый канцлер, на которого опирался господин Ван из Юнчэна. Семья последнего сгинула в застенках, но сам канцлер остался непоколебим — стало быть, доверие императора к нему безгранично. А раз так, государь наверняка не обделит его сына местом в первой тройке.

Был еще и молодой принц Лоу, сын принцессы Цинъян, родной сестры императора. Племянник государя... разве не сделают ему поблажку при дворе?

«Как бы я ни старался, в честном бою мне не занять высшего места. Придется идти на хитрость»

К тому же он был цзеюанем лишь в Цзинчжоу, а между провинциями лежала огромная разница. Своим первенством он был обязан не только труду, но и тому, что в этом году в Цзинчжоу не нашлось по-настоящему блестящих соперников. У других же претендентов за спиной стояли поколения знати.

К своему «прекрасному принцу» он испытывал лишь желание осквернить, но никак не конкурировать с ним. Линьси больше не зарился на место чжуаньюаня, но титул баньяня или таньхуалана он должен был забрать себе. Значит, двое других были его врагами.

За оставшийся год ему предстояло стереть разницу в положении между ними, а перед дворцовым испытанием — устранить хотя бы одного соперника. Только так он мог гарантировать себе место в первой тройке, привлечь взор Чу Юя и завоевать его сердце.

Путь был один: прилепиться к самым влиятельным особам.

Если отпрыски знати идут на экзамены ради интересов своих кланов, то эти самые кланы наверняка не прочь заполучить в свои ряды способных ученых-одиночек. Цзеюань целой провинции, сирота... Линьси был уверен, что представляет немалую ценность. А Юнчэн был родиной канцлера Вана. Если удастся подобраться к нему и разузнать слабости его сына, надежда на место баньяня обретет плоть.

— Каковы ваши планы на весенний отбор? — повторил чиновник.

Линьси отставил кубок и с видом предельной искренности произнес:

— Не скрою от вас, господа... я намерен отправиться в столицу, дабы продолжить учение.

— В столицу? — переспросил кто-то.

— Именно так, — смиренно кивнул юноша. — Пусть я и стал первым в провинции, я сознаю, что до истинных мастеров слова мне еще далеко. Если я хочу преуспеть на столичных экзаменах, мне нужно совершенствоваться. В академии я изучил всё, что мог, и теперь единственный путь для меня — искать знаний в сердце империи.

Чиновники в зале переглянулись. Одних поразило то, что юноша не заважничал после успеха, другие же уже прикидывали выгоду.

Внезапно один из присутствующих, доселе хранивший молчание, мягко проговорил:

— Господин Линьси, ваша решимость и здравомыслие в столь юном возрасте вызывают искреннее восхищение.

Стоило ему заговорить, как остальные мигом умолкли, а уездный судья даже слегка вздрогнул. По этой реакции Линьси мгновенно понял: этот человек занимает высокий пост. Не подав вида, он придал лицу выражение легкого хмеля и с грустной усмешкой добавил:

— Это лишь от осознания собственной ничтожности. Не стану таить: я родом из бедной семьи. У меня не было именитых наставников, за моей спиной никто не стоит. Мне остается лишь пробиваться наверх своими силами.

В этот момент в его голосе прозвучала тщательно отмеренная доза горечи и амбиций. Рыбка заглотила наживку.

— Раз так, господин цзеюань, если вы не побрезгуете моей помощью, я могу дать вам рекомендацию в поместье канцлера. Сам канцлер когда-то начинал как простой ученый и не понаслышке знает, как тернист путь бедняка. Вы предъявите мое письмо у ворот столичного поместья, и вас примут. В доме канцлера богатейшее собрание книг, а если вы сумеете снискать его расположение, вам выделят учителей. Тогда войти в первую тройку станет для вас вполне возможным.

Цзи Линьси пришел на пир именно за этими словами!

В душе он торжествовал, но заставил себя сжать кулаки под столом. Сначала он изобразил оцепенение, затем — крайнее изумление и радость. На глазах у всех он рухнул на колени.

— Милость ваша, господин, для меня подобна второму рождению! — воскликнул он, и голос его дрогнул от слез.

Если бы эти слова предназначались принцу, они были бы полны истинной страсти; для прочих же это была лишь искусная игра.

Чиновник, явно довольный таким приемом, поднял его с колен. Линьси еще долго рассыпался в благодарностях, а когда спросил о чине своего благодетеля, тот ответил:

— Я — вице-префект провинции Цзинчжоу.

До самого рассвета продолжалось веселье. Когда же хмель окончательно сморил гостей, чиновники остались отдыхать в ямэне, а купцов и цзюйжэней судья велел развезти по домам.

— Господин цзеюань, осторожнее, — стражник, узнав, что юноша едет под крыло самого канцлера, поддерживал его под локоть с величайшим почтением.

Усадив его в карету, стражник облегченно вздохнул и проводил взглядом экипаж.

Колеса загрохотали по каменной мостовой. И в ту же секунду Цзи Линьси, который должен был спать мертвецким сном, открыл глаза. На его губах заиграла лукавая, почти демоническая улыбка.

<http://bllate.org/book/15344/1413123>